

ПРОМЕТЕЙ НЕ ВЕРНЕТСЯ

Руслан Кучумов

Руслан Кучумов

Прометей не вернётся

<https://litres.ru/74355487>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они огромны. Они древнее памяти живущих. Они передвигаются так медленно, что первые исследователи принимали их за климат, геологические процессы и капризы погоды.

Титаны.

Поколение за поколением мы изучали оставленные Предтечами каверны, пытались понять ненавистных титанов и не забыть всех тех, кто не дожил...

Он - вирусолог. Он знает, как закончить войну. Освободить мир от диктата ужаса и, наконец, избавить его от титанов.

Содержание

Прометей не вернётся	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Руслан Кучумов

Прометей не вернётся

Прометей не вернётся

(рассказ)

Они недостойны жить.

Я пришёл к этой мысли не сегодня и даже не в тот день, когда погибла моя первая семья, хотя нам свойственно искать для ненависти благородное начало. Вот событие, говорим мы себе. Вот рубец, проведённый через жизнь раскалённым резцом. До него я был другим: терпеливым, способным сомневаться, ещё готовым увидеть в противнике загадку, а не скверну и болезнь.

Нет. Я ненавидел их всегда.

Титаны.

Кто знает, возможно, ненависть передалась мне вместе с памятью рода, подобно страху перед Пустотами и привычке проверять колебания среды прежде, чем выбираться из лаборатории. Матушка моя, Хейла Дреуш, презирала подобные рассуждения. Она утверждала, что память предков — удобная выдумка для тех, кому не хватает мужества признать собственные чувства.

Мама вообще не любила оправданий.

В тот день, когда я наконец смог выдавить из себя, что жена и дети погибли, она долго смотрела мне в глаза, а потом сказала то, что вросло в меня намертво:

— Скорби, мой мальчик. Ненавидь. Но не объясняй это их отношением к нам, и не убегай от реальности, как многие. Это ничего не изменит, Арк. Просто знай: или мы, или они. Третьего не дано.

Прямоты и мужества ей было не занимать. Возможно, за это с ней старались не связываться даже в Совете. Очень скоро я понял, что другой такой нет и не будет — в день, когда погибла и она.

Тогда я впервые стал задумываться об исторической необходимости.

Оглядываюсь. За спиной — большая часть пути. Центральная община находилась в шести старых кавернах от моей лаборатории, если верить картам времён Дальней Экспедиции, и в одиннадцати по современным маршрутам. Само слово «расстояние» почти исчезло из навигационного языка: длина ничего не значила. Две соседние области могла разделять поверхность, пересекаемая за несколько спокойных мгновений, но стоило этой поверхности попасть в зону активности титана — и маршрут растягивался на половину

цикла или вовсе становился невозможным.

Мы уже привыкли измерять путь временем.

Пять стандартных переходов до Холодной Границы. Три — через Нижнюю Складку. Четверть цикла, если двигаться обходом. Двадцать семь стандартных счётов через Пустоту — при условии, что мир оставит тебя в покое. Но такое случалось редко.

Добраться до самого Крига Рауса.

Председатель Центрального Совета сначала наверняка сошлётся на порядок допуска, затем на процедуру внеочередного заседания и, если особенно разойдётся, напомним, что чрезвычайность обстоятельств делает соблюдение правил особенно важным.

Конечно, я выслушаю все. Отдать остаток жизни за первые секунды молчания Крига Рауса стоило бы уже потому, что такие секунды случались реже крупных катастроф.

Когда я покажу ему результаты, старый балабол поймёт, что война закончилась.

В первых комлогах слово «титан» не встречается. Не в выдержках из учебных архивов, которые переписывали столько раз, что от исходных формулировок остался стерильный скелет. Именно в комлогах первой волны — тех самых, что были извлечены из накопителя челнока «Сиаль» незадолго

до окончательной деградации его ядра.

Девяносто три журнала. Более трёх тысяч наблюдений. И ни одного титана.

Зато в отчётах подробно описаны каверны, температурные фронты, периодические движения среды, изменения рельефа и так называемые блуждающие возмущения — колоссальные области локальной нестабильности, возникавшие без видимой причины, изменявшие свойства огромных пространств и столь же внезапно исчезавшие.

Именно ими и были титаны.

Наши предки не понимали, что смотрят на нечто живое. Теперь это принято считать забавным историческим казусом. При разборе гипотез первой волны студенты смеются: автономная морфология каверн, подвижные климатические зоны, локальные гравитационные аномалии, блуждающие процессы неизвестного происхождения.

И я когда-то смеялся...

Те первые обладали оборудованием, о котором мы знаем только из описаний. Они пересекли межзвёздную пустоту. Их челноки умели возвращаться к собственным траекториям после пространственного срыва, перестраивать повреждённые системы и выращивать часть конструкционных материалов прямо во время перехода. Даже наши лучшие экзоскелеты — гордость трёх научных школ — являются жалкими копиями их аварийных внешних систем.

Мы умеем их воспроизводить. Почти. Не задавая слиш-

ком много вопросов.

Очень тяжело признавать, но первые поселенцы были куда умнее нас, но даже они долгое время не признавали в титанах жизнь. Все дело в масштабе: живое движется, реагирует на среду, поддерживает внутреннее состояние и противится разрушению.

Да, титаны демонстрировали все эти признаки, но настолько медленно, избыточно и настолько непохоже на паттерны любой известной нам жизни, что все наблюдения просто не складывались в мало-мальски стройную модель.

Одно блуждающее возмущение возникало в северных кавернах, меняло температуру, вызывало чудовищные воздушные аномалии и исчезало. И возвращалось тогда, когда у первоначальных свидетелей вырастали внуки. Другое непрерывно перемещало колоссальные массы вещества — «автономный морфологический процесс». Третье стирало без следа аж четыре поселения первой волны, после чего не проявляло активности в изученной области так долго, что первоначальную запись успели перевести из оперативного архива в исторический.

Катастрофические явления неизвестной природы. Мы аккуратно все записывали: явление, процесс, возмущение.

Первым усомнился Вейр.

Вероятно, сначала ему было даже неловко — Орт Вейр не принадлежал к большим умам своего времени. Он не создавал теорий, не руководил экспедициями, его имя до

открытия встречается лишь в трёх служебных протоколах, один из которых — выговор за нарушение архивной процедуры. Вейр занимался тем, отчего выдающиеся исследователи зевают и морщатся — сопоставлял старые наблюдения.

И обнаружил повторяемость самих процессов.

Возмущения возвращались, они сохраняли характерные температурные поля, состав выделяемых веществ, ритмику низких колебаний, особенности изменения среды. Одно и то же явление могло исчезнуть так надолго, что сменялся весь состав наблюдательной группы, а затем возникнуть вновь, сохранив те же признаки.

Вейр написал в предварительном комлоге: «Мы наблюдаем не периодические процессы. Мы наблюдаем возвращение источников».

Архивный координатор потребовал заменить слово «источники» — Вейр отказался. Доказательство потребовало долгих наблюдений и двух смен всей научной «верхушки».

Я часто представлял момент, когда исследователи наконец приняли очевидное. Не заседание первой комиссии по живой морфологии, не публикацию полного ряда Вейра, после которой его имя внезапно появилось чуть не в каждой научной ссылке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.